

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 172–178
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 172–178
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-172-178>

Научная статья
УДК 336.742(47+57)|19|

Проблема золотовалютных резервов советского государства в 1920–1930-е годы

Е. И. Демидова^{1✉}, В. Н. Саранцев²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83
²Московский университет им. С. Ю. Витте, Россия, 115432, г. Москва, 2-й Кожуховский пр., д. 12, стр. 1

Демидова Елена Игоревна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, demidova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0298-355X>, Author ID: 738949
Саранцев Владимир Николаевич, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики городского хозяйства и сферы обслуживания, kvnraritet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8046-239X>, Author ID: 429794

Аннотация. В статье выясняются золотовалютные возможности советского государства; обсуждается процесс формирования и использования советской властью золотоплатиновых средств государственного бюджета. На основе архивного материала анализируются состояние золотого запаса, источники пополнения, расходование валютных ресурсов. Выявлены способы накопления и вывоза из страны драгметаллов, создания государственных финансов и маневра имеющимся ресурсом. Рассматриваются вопросы деятельности концесий на примере «Лена-Гольдфильдс».

Ключевые слова: революционные преобразования 1920-х гг., золотовалютные ресурсы, добыча золота и платины, концессия, «Лена-Гольдфильдс», бюджет

Для цитирования: Демидова Е. И., Саранцев В. Н. Проблема золотовалютных резервов советского государства в 1920–1930-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2022. Т. 22, вып. 2. С. 172–178. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-172-178>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of the gold and foreign exchange reserves of the Soviet state in the 1920–1930s

E. I. Demidova^{1✉}, V. N. Sarantsev²

¹Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia
²S. Y. Witte Moscow University, 2nd Kozhukhovskiy passage, 12 building 1, Moscow 115432, Russia

Elena I. Demidova, demidova-elena@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0298-355X>, Author ID: 738949
Vladimir N. Sarantsev, kvnraritet@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8046-239X>, Author ID: 429794

Abstract. The article clarifies the gold and foreign exchange capabilities of the Soviet state, analyzes the process of formation and use by the Soviet government of gold-platinum funds of the state budget. On the basis of archival material, the state of the gold reserve, sources of replenishment, and the expenditure of foreign exchange resources are analyzed. The ways of accumulation and export of precious metals from the country, creation of public finances and maneuvering with the available resource are revealed. The issues of the activity of concessions are considered on the example of Lena-Goldfields.

Keywords: revolutionary transformations of the 1920s, gold and foreign exchange resources, gold and platinum mining, concession, Lena – Goldfields, budget

For citation: Demidova E. I., Sarantsev V. N. The problem of the gold and foreign exchange reserves of the Soviet state in the 1920–1930s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2022, vol. 22, iss. 2, pp. 172–178 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-2-172-178>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Человек с его способностями, умениями, навыками объективно всегда является главной ценностью и важнейшим фактором развития общества. Но для того, чтобы человеческий фактор

был этой данностью, необходимы определенные материальные ресурсы. Прежде всего, золото исторически является уникальным материалом и стратегическим резервом, вечным олицетворе-

нием и мерилom богатства и власти в мире людей, обладает некой сакральной ценностью. Таким его сделали сами люди, общество и социальные институты.

Вопросы истории золотодобычи, золотовалютных ресурсов рассматриваются как учеными различных научных направлений, так и практиками, и политиками. Авторы изучают в исторической ретроспективе вопросы производства золота, золотых запасов, трансграничные перемещения золота, динамику российских золотых резервов [1]. Различные аспекты «золотовалютного вопроса» проанализированы во многих работах отечественных историков [2, 3]. Большое внимание уделено теме продажи за рубежом художественных ценностей [4]. Историографическая ситуация сложилась достаточно интересная: много региональных научных исследований и научно-популярных публикаций, есть несколько обобщающих работ.

Российские социал-демократы к драгоценным металлам изначально относились с глубоким презрением. Известно, что В. И. Ленин, создатель и лидер РСДРП (б) – РКП (б), считал золото источником военных конфликтов и народных страданий. Однако его соратники, например Л. Д. Троцкий, на фронтах Гражданской войны награждали особо отличившихся красноармейцев и красных командиров золотыми монетами, часами, портсигарами, оружием. Причем такая традиция сохранилась вплоть до середины 1930-х гг. В архивных документах было обнаружено несколько заявок К. Е. Ворошилова. Одна из них датирована 1 июля 1933 г. В ней содержалась просьба «об отпуске из Госбанковского фонда 500 (пятьсот) золотых часов для наградного фонда НКВМора» [5, л. 149]. В другой заявке от 20 марта 1934 г. говорилось: «Разрешить Госбанку выдать Реввоенсовету 4 000 (четыре тысячи) золотых часов с наименьшим содержанием золота» [6, л. 13]. По решению И. В. Сталина с целью повышения ценности правительственных наград и некоторых знаков отличия стали использовать при их производстве драгоценные металлы и даже настоящие бриллианты. Хорошо известно, что мундир Генералиссимуса имел шитье золотыми нитками, а пуговицы на кителе были изготовлены из золота высшей пробы.

Провозглашение государственной монополии на банковское дело в 1917 г. – как следствие национализация частных коммерческих банков и всех кредитных учреждений, запрет на деятельность иностранных банков, практически полная ликвидация денежного обращения – отражали взгляды многих большевистских деятелей. Так, например, Юрий Ларин, один из создателей Госплана и сторонник ликвидации денежного обращения, считал, что «постоянное отмирание денег возрастает по мере возрастания организованности советского хозяйства, и деньги утратят своё значение как сокровище и останутся только

тем, чем они являются на самом деле: цветной бумагой» [7]. Вопросами финансирования и бюджетирования теперь занимается Наркомат финансов и подведомственные ему структуры, с 1920 г. – Бюджетно-расчетное управление Наркомфина. Бюджетная деятельность осуществляется в форме распределения средств, которых катастрофически не хватало, финансирование сократилось, а инфляция его обесценивала.

Казалось бы, еще перед началом Первой мировой войны в царской России был крупнейший в мире золотой запас, который насчитывал 1 млрд 695 млн руб. Однако в годы войны он существенно уменьшился, а события 1917–1920 гг. нанесли ему еще более ощутимый ущерб. Многие рудники, шахты и прииски были разрушены. Белые, красные, местные бандиты и просто лихие люди поджигали и взрывали оборудование, разоряли, тщательно скрывали самые многообещающие участки разработок, захватывали и бросали их. Часто тайные, тщательно скрываемые «хранилища» обнаруживались и разворовывались. В результате затраты на изыскания новых залежей возросли в арифметической прогрессии, а падение добычи снизилось до небывало низкого уровня. Общее количество золотоплатиновых запасов в стране упало еще на 182 т. Сегодня невозможно установить имена тех, кто использовал или истратил, а вероятнее всего, похитил на неизвестные, видимо, корыстные цели около 12 пудов драгметалла. Все утраченное в исторической литературе именуется, как правило, «золотом Колчака».

После завершения Гражданской войны в 1921 г. Совнарком провел ревизию золотодобывающих предприятий, их технического состояния. Выяснилось, что приисковых компаний в России насчитывалось более 400. На них работали около 6 000 старателей. Советское правительство провело национализацию и образovalo государственную компанию под названием «Лензолото» [8, л. 2–3, 6–10]. Оказавшееся в руках государства золото подлежало распределению по заявкам различных наркоматов. Средства ассигновывались на Тибетскую экспедицию (20 тыс. золотых руб.), на покупку ледокола (500 тыс. золотых руб.), на закупку двух самолетов и моторов (13,8 млн золотых руб.), на содержание Управления Уполномоченного Красного Креста в Нью-Йорке (29,1 тыс. долл.), на почтовые услуги РСФСР (452 тыс. золотых руб.), на закупку шести батарей для подводных лодок (170 тыс. золотых руб.). На выпуск иностранных газет и журналов нарком по делам национальностей И. Сталин потребовал 1,5 тыс. золотых руб. На помощь голодающим Поволжья в это же время решили выделить 10 тыс. золотых руб. либо эквивалентную ему сумму в инвалюте [8, л. 2–3, 6–10].

Стремясь повысить свой авторитет и расширить влияние в мире, советское государство

поддерживало международное рабочее движение и выделяло валюту македонским эмигрантам, шахтерам Англии, текстильщикам Индии и Франции, землекопам Германии, табачникам Греции, металлургам Саксонии, датским и норвежским рыбакам, финским лесорубам, бастующим пролетариям в различных странах. Деньги конспиративными путями поступали в Европу и Азию через представительство Коминтерна, Профинтерна, Крестинтерна, посольств и торгпредств РСФСР. Крестинтерн переводил на поддержку сельскохозяйственных рабочих незначительные суммы: от 500 инвалютных рублей до нескольких тысяч. В 1926–1927 гг. смета Крестинтерна составляла всего 124 тыс. руб. [9, л. 90]. Профинтерн был состоятельнее Крестинтерна и потому делал более щедрые переводы бастующим пролетариям: от нескольких тысяч до нескольких сотен тысяч золотых рублей. В 1926–1927 гг. валютная смета Профинтерна состояла из 550 тыс. руб. [10, л. 50]. Исполком Коминтерна в том же году на своих счетах имел 4,5 млн золотых руб. [10, л. 51]. Сумма ассигнований бастующим зависела от численности участников, их активности, решимости идти до конца, пропагандистского сопровождения и ожидаемых результатов.

Запасы ценностей сокращались, но предвидимого согласно марксистской теории революционного эффекта не обеспечивали. Революция в Европе все не наступала, хотя отдельные ее проявления в Германии, Венгрии, Македонии и Болгарии имели место. В марте 1921 г. большевики Украины «для специальных операций» на сопредельных территориях получили 750 тыс. золотых руб. [11, л.23]. Аналогичная «операция» проводилась и в других пограничных республиках, например, в Белоруссии. Политбюро ЦК РКП (б) рассматривало вопрос о расширении территории Советской Белоруссии за счет Польши. На это выделялось значительное количество золотых ресурсов, которые предполагалось употребить частично на поддержку белорусов, проживающих на территории Польской Республики, а частично административным органам в Гомельской, Витебской и Смоленской губерниях [11, л.101].

Невозможность быстрого восстановления добычи природного золота в советской России в прежних дореволюционных объемах сопровождалась резким количественным сокращением ранее накопленных сокровищ [12, л. 1–9]. По решению Политбюро ЦК РКП (б) была проведена ревизия золотоплатиновых запасов, которая показала, что в стране количество драгметалла уменьшилось до одной трети царских накоплений [12, л. 1–9]. Столь удручающее положение усугублялось тем, что обмен иностранных валют на советские дензнаки в начале 1920-х гг. осуществлялся по произвольному курсу и регулировался не биржевыми котировками, а посред-

никами-спекулянтами, разумеется, не в пользу РСФСР [3, с. 108].

В 1921 г. страна оказалась в условиях острой нехватки продовольственных ресурсов. Решение проблемы преодоления голода связывали с использованием золотоплатиновых запасов, дефицит которых уже остро ощущался. Государство закупало продовольствие и посевной материал для особо нуждающихся губерний. На приобретение за границей семян было затрачено 12 млн руб. [13, л. 1]. Продовольственное зерно, закупаемое в объеме 30–35 млн пудов обошлось казне РСФСР в 100 млн золотых руб. [14, л. 2–3]. Однако решить столь сложную задачу по удовлетворению населения продуктами питания все равно не удавалось. Большевицкое руководство ради получения дополнительных валютных средств рассматривало даже вопрос о продаже Японии острова Сахалин. Была создана специальная комиссия ЦК по определению его экономической и стратегической ценности [15, л. 1]. До операции купли-продажи дело не дошло, но комиссия по оценке природных ресурсов Сахалина представила доклад о возможности допуска Японских фирм для концессионной добычи нефти, угля и лесоразработок [16, л. 26]. Позволяя Японии осваивать Сахалин с помощью концессионных предприятий, советское правительство одновременно усилило надзор за иностранными фирмами, работавшими на острове. Горные округа Сахалина подчинили непосредственно Наркомату тяжелой промышленности. Выделили «надежных» коммунистов на должности начальников округов и квалифицированных инженеров на должности инспекторов, ввели должность уполномоченного Наркомата иностранных дел. Добились того, чтобы советских рабочих на концессиях было не менее 75% от общего количества работающих. А Наркомат тяжелой промышленности на усиление японских концессий ассигновал (чрезвычайно редкий случай) из резервного фонда Совнаркома 80 тыс. золотых рублей [17, л. 21–25].

Средства необходимо было экономить, и Политбюро ЦК ВКП (б) поручило Совету по труду и обороне сократить валютные расходы в 1928–1929 гг. на 20 млн руб. Необходимо «укрепить наши валютные ресурсы, при планировании затрат на промышленность и сельское хозяйство, индустриализацию и коллективизацию, которые максимально усилили бы наши экспортные и валютные возможности» [18, л. 46–47]. Поиск выхода из сложившегося положения привел большевиков к мысли о «необходимости расширения поиска, организации добычи, возобновления производства и продажи за границу драгоценных металлов», ведь к этому времени в Гохране оставалось всего 150 т драгметалла [19, л. 3]. Прежде всего, обратили внимание на самый дорогой цветной металл – платину. И правительство

решило, что продажа советской платины на мировых рынках требует повышения доли ее сбыта в сравнении с предыдущими годами и приближения квоты СССР, которую устанавливал Международный синдикат по реализации платины к довоенному уровню, т. е. до Первой мировой войны. Обсуждение «платинового вопроса» в некотором роде напоминает подготовку военной операции. «Борьбу с мировыми платиновыми фирмами, – говорилось в постановлении ЦК ВКП (б), – вести на основе пониженных реализационных цен (приемлемых для нас и не выгодных для противника) с целью сокращения производственных возможностей противника, расширения мирового потребления платины и увеличения нашей доли в мировом сбыте платины. ВСНХ представить соображения о снижении себестоимости нашей платины и расширения ее производства в ближайшие пять лет» [20, л. 31–32].

Огромные усилия были брошены на увеличение золотодобычи. К началу 1930-х гг. выработка выросла почти на 50%, но ЦК ВКП (б) констатировал недовыполнение плана. Дело в том, что в отрасли слабо работали старатели, которые дали только 46,2% от задания [21, л. 21]. Они считались наименее развитыми представителями рабочего класса, но подобная добыча была выгодна, так как давала золото немедленно. Причиной срыва добычи, по мнению И. Сталина, стала неэффективная работа «центрального аппарата» и его «структурных подразделений». Вождь обратил внимание чиновников Совнаркома уже традиционно на «засоренность руководящих кадров вредителями», «плохую геологоразведочную работу», слабое использование «механизации всех процессов», отсутствие подготовленных «инженерно-технических и управленческих работников», плохие условия жизни и работы, сбои в снабжении. Кроме того, промышленные предприятия поставляли на рудники, шахты и прииски некомплектные механизмы, еще и со значительными задержками [22, л. 21–22]. Реформирование золотодобывающей отрасли назрело давно, руководство страны закономерно поставило задачу по превращению золотодобычи в высокодоходную отрасль экономики. Предпринимались самые строгие организационные меры и устанавливались жесткие сроки внесения в Госбанк произведенного металла [21, л. 21]. Срыв поставок вел к серьезным оргвыводам: если это случалось с концессионерами, договор расторгался, а собственность изымалась без всякой компенсации [23, л. 30].

Программа добычи и скупки золота в 1929 г. дала казне 37,75 т драгметалла. В 1931 г. объем полученного золота вырос почти на 30 т, а к декабрю 1932 г. в Гохран поступило из разных источников 80 т, а два года спустя запас составил 128,5 т драгметалла [22, л. 18–24]. На получение драгметалла в стране работали несколько крупных добывающих трестов:

«Востокзолото», «Севцветметзолото», «Южцветмет», «Алтайцветметзолото». В городах золото скупал Торгсин – Всесоюзное объединение по торговле с иностранцами. Для получения золотоплатинового лома наращивали производство аффинажные заводы, проводящие очистку золота и прочих драгоценных металлов от примесей, повсеместно собирали огарки, шлаки, шлихи, бой платиновых тиглей, выломку, лигатуру, а также соли этих металлов [21, л. 117].

Наращивание объемов производства драгметаллов требовало существенных капиталовложений и организационных усилий. Необходимо было изготовить и доставить на места десятки драг, экскаваторов, бульдозеров, тракторов, сотен грузовиков [24, л. 4, 8–13], обеспечить предприятия специалистами и «крепкими» управленцами [21, л. 165]. К началу 1935 г., преодолевая огромные трудности, под жестким административным контролем «Союззолото» успешно справилось с задачей добычи драгоценных металлов. Была фактически создана советская золотоплатиновая промышленность, которая состояла из аффинажных фабрик, иловых заводов, амальгамных предприятий и металлургических комбинатов.

В деле добычи золотоплатинового сырья большую роль сыграли концессии. Правительства некоторых нейтральных стран обратились к РСФСР с просьбой передать им в концессию часть заводов и отраслей золотоплатиновой промышленности. Сложное финансово-экономическое положение подтолкнуло советскую власть принять предложение. В октябре 1921 г. в повестку дня заседания Политбюро ЦК РКП (б) был включен вопрос «О создании единой комиссии по концессиям», утвержден ее персональный состав «включая Чичерина, Литвинова и Радченко» [25, л. 1]. Комиссии поручили подготовить текст соответствующего постановления Политбюро ЦК РКП (б). Таким образом, декларативное заявление решено было перевести в нормативную плоскость, что в перспективе дало возможность обосновать репрессии в отношении концессионеров, а в особых случаях и прекратить функционирование самой концессии. Нарушение соглашения, если можно было доказать злой умысел, каралось уголовным преследованием и конфискацией всего или части имущества концессионера. Сурово наказывали нанимателей и за нарушение законов о труде. Правительство полагало, что жесткие меры в дальнейшем можно будет усилить в соответствии со ст. 4 Декрета Совнаркома от 23 ноября 1920 г. «Об общих экономических и юридических условиях концессии». Но концессии были необходимы, так как государство остро нуждалось в восстановлении золотопромышленности [26, л. 2].

Переговоры о юридической стороне функционирования концессий продолжались более двух

лет, пока не создали смешанное Общество по реализации платины на внешнем рынке. Право выбора фирмы-посредника закрепили за Главным концессионным комитетом (ГКК) [27, л. 4]. Наиболее перспективный рынок продаж золота и платины был в США. Реализация драгоценных металлов в Америке предполагала выработку соответствующих согласительных документов, которые возможно было подписать лишь при нормализации отношений с США [28, л. 2, 7]. Но этого не произошло, и реализация платины началась в Германии и Франции [29, л. 2].

Интерес мирового рынка драгоценных металлов к советским золотоплатиновым ресурсам подтолкнул советское руководство к привлечению иностранных инвестиций в добывающую отрасль. В постановлении ЦК РКП (б) отмечалось: «Считать целесообразным сдачу золотоплатиновых предприятий в концессию на выгодных для нас условиях» [30, л. 2–7]. Однако вопрос выплат СССР по царским долгам и возмещению убытков английским подданным тормозил дело [31, л. 5]. В феврале 1924 г. ГКК выразил готовность подписать концессионный договор с «Лена-Гольдфильдс Лимитед» на условиях отказа британской стороны от финансовых претензий. Дело в том, что после октябрьских событий 1917 г. собственность предприятий «Лена-Гольдфильдс» в России была национализирована. Было принято предложение ГКК, которое гласило, что «концессия может быть прекращена до срока лишь в силу постановления Третейского Суда» [32, л. 154–155]. Кроме того, Совнарком выразил готовность вступать с концессионером в финансовые отношения через советские банки [32, л. 154–155].

В мае 1925 г. Политбюро ЦК ВКП(б) сместило Л. Д. Троцкого с поста наркома по военным и морским делам и назначило председателем ГКК. Первое решение комитета, принятое при новом руководителе, заключалось в невозможности отсрочки взноса авансов компанией «Лена-Гольдфильдс» [33, л. 3]. Поскольку Политбюро «солидарно» не соглашалось с председателем ГКК, его предложение отклонили. Концессионеру разрешили отсрочить выплату половины аванса 750 тыс. руб. золотом. Отказ от уплаты аванса в половинном размере означал финансовую несостоятельность концессии либо отсутствие намерения вести работы. И в том и в другом случае вина за срыв договора ложилась на концессионера. Конфликты возникали постоянно и нередко заканчивались разбирательством в ОГПУ [34, л. 5].

Проблемным был вопрос и о кредитовании предприятий концессионеров. В решении говорилось: «Ввиду того, что концессионные предприятия служат проводниками иностранного капитала в хозяйстве страны признать, что все затраты по их организации, эксплуатации и развиту, должны производиться за счет средств,

привлекаемых концессионером из-за границы, и доходов, получаемых от функционирования самих предприятий» [35, л. 2].

На долю золотодобывающих концессий в 1927 г. приходилась практически четвертая часть добытого драгметалла, хотя государство рассчитывало заготовить больше, около 11 200 кг [36, л. 24]. В постановлении Политбюро ЦК ВКП (б) по разработке мероприятий для увеличения добычи золота вес сданного концессионерами металла был зафиксирован в размере 7 635 кг. Одной из причин столь значительной потери стал разрыв дипломатических и торговых отношений между Великобританией и СССР [37, л. 26]. Наркомат торговли, проведя ревизию долгов, пришел к выводу о том, что они у СССР значительно больше, чем предполагалось, а в Гохране оставалось только 10% от накопленных до 1917 г. средств [10, л. 47]. Между странами резко сократился торговый оборот, его объем упал до 45 млн фунтов стерлингов и продолжал снижаться, а импорт в 1928 г. составил всего 4,3 млн фунтов стерлингов. Начались поиски новых источников займов и получения кредитов во Франции, США, Германии, Швейцарии, Польше и Италии [38, л. 16]. Концессионный договор аннулировали и заменили соглашением о финансировании [9, л. 80], а в Англию прекратились поставки сырья из СССР [20, л. 63]. Так продолжалось около двух лет, пока в июне 1929 г. на всеобщих выборах в палату общин не победили лейбористы. Новые британские власти решили начать переговоры, но увязали восстановление отношений с предварительным разрешением некоторых конкретных вопросов [20, л. 7]. Однако Совнарком заявил, «что экономическое положение СССР теперь является более крепким, чем ранее, поэтому мы допускаем переговоры о заключении концессионного соглашения лишь на условиях решений Советской стороны». Великобритания и СССР 3 октября 1929 г. восстановили дипломатические и торговые отношения, но недоверие сохранялось. Комиссия Политбюро ЦК ВКП (б), проанализировав ситуацию, пришла к выводу, согласно которому практика экономической деятельности существующих концессий часто приводит к столкновениям с иностранными государствами. Поэтому ликвидация концессий стало делом ближайшего будущего. Концессии разделили на три группы: с первой следовало вести «любимые» переговоры о ликвидации; со второй необходимо было экономически сотрудничать в соответствии с международными договорами, создавая им нормальными условиями работы; с третьей – отношения прекратить [20, л. 107–108].

Великобритания и СССР, не успев обменяться послами и торговыми миссиями, вступили в новый конфликт. От концессионеров «Лена-Гольдфильдс» в третейский суд поступил

иск. В ответ Советское правительство подало встречный иск по 35-ти статьям концессионного договора [32, л. 92–93]. Советская и заграничная печать наперебой стали публиковать статьи о работе третейского суда [32, л. 174]. Политбюро ЦК ВКП (б) заявило, что если суд будет ликвидирован, не вынося никакого решения, то правительство удовлетворит претензии кредиторов «Лена-Гольдфильдс» из Германии в размере 13,5 млн рейхсмарок и передаст его в руки немцев [21, л.155–154].

Очевидно, что задача состояла в том, чтобы принудить британских представителей «Лена-Гольдфильдс» принять на себя ответственность за разрыв отношений с СССР. Кроме того, Политбюро отменило положение о продаже золота в Великобританию, разрешив Госбанку реализовать его в Германии на сумму в 30 млн золотых руб. [21, л. 6]. Оборудование, ранее принадлежавшие концессии «Лена-Гольдфильдс», поступало в распоряжение предприятий созданного «Востокзолото» в отремонтированном и годном для эксплуатации состоянии, ремонт должен быть осуществлен за счет концессионера. На правительство возлагались обязанности по возобновлению функционирования предприятий бывшей концессии «Лена-Гольдфильдс» [21, л.135]. Своеобразную «точку» в проблеме поставили И. В. Сталин и В. М. Молотов, которые выступили с предложением закончить дело обещанием уплаты «Лена-Гольдфильдс» вместе с ее кредиторами максимум 8–10 млн руб. с рассрочкой на 6–7 лет с условием выдачи концессионерам документа об отказе от всяких претензий и полной ликвидации дела [39, л. 152]. В таком случае разрыв отношений не причинил бы стране серьезного ущерба.

Добыча золота и платины в целом росла и расширялась, но и нужда в валютных средствах не ослабевала. Политбюро инициировало продажу за границу антикварных ювелирных изделий, нумизматических редкостей и художественных ценностей. В Госторге в конце лета 1928 г. была образована «Главная контора по скупке и реализации антикварных вещей» – «Антиквариат». В ноябре 1929 г. она была преобразована во Всесоюзную Государственную Торговую Контору «Антиквариат» с широкими полномочиями и перешла из ведения Госторга РСФСР к Внешторгу СССР. «Антиквариат» под руководством слабо разбирающихся в искусстве, но главное – большевиков-партийцев развернул активную деятельность по выявлению и реализации «уникальных предметов» [40, л. 25]. За границу «сбыли» картины Рафаэля, Тициана, Пуссена, Ван Эйка, Рембрандта, коллекции нидерландской и фламандской живописи и многое другое. Масштабная реализация за границу художественных музейных ценностей практически прекратилась после 1933 г., а Всесоюзная торговая контора «Антиквариат» была закрыта в октябре

1937 г. Пополнялся бюджет и за счет реализации драгоценных камней. Скупкой бриллиантов в 1930-е гг. занимались Северная, Ленинградская, Западная, Московская, Ивановская, Горьковская, Центрально-Черноземная, Башкирская, Татарская, Средне – и Нижне-Волжская, Крымская, Северо-Кавказская, Казахская, Киргизская, Западно- и Восточно-Сибирская, Дальневосточная и Якутская конторы Торгсина.

Источником валютных поступлений являлись также деликатесные продукты – икра рыб осетровых пород, балыки и пушнина [39, л. 135, 142]. Огромное значение в получении валютных кредитов играло продовольственное зерно. В 1930 г. Сталин писал: «Форсируйте вывоз хлеба вовсю. В этом теперь гвоздь. Если хлеб вывезем, кредиты будут» [41, с. 194]

Серьезной проблемой в послереволюционные годы для советской власти стал «денежный» вопрос. Естественно, рабоче-крестьянскому государству необходимы были валютные средства. Большая часть «старых» золотовалютных запасов была потрачена. Низкий образовательный уровень работников финансовых органов, достаточно быстрое сокращение золотовалютных ресурсов и возможностей, высокие темпы инфляции, классовая солидарность и помощь революционному движению в условиях Гражданской войны способствовали значительному ухудшению ситуации. Следовало искать все возможные и невозможные источники пополнения финансовых валютных «закров», что, собственно, и делалось: наращивались добыча и продажа драгоценных металлов и камней, художественных ценностей, котирующихся на мировом рынке деликатесных продуктов. Большие надежды возлагались на деятельность концессий, которые практически все до 1927 г. положительно влияли на валютные ресурсы страны.

Список литературы

1. Катасонов В. Ю. Золото в истории России : статистика и оценки. М. : МГИМО(У) МИД России, 2009. 312 с.
2. Сапоговская Л. В. Золото в политике России (1917–1921 годы) // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 31–47.
3. Саранцев В. Н. Золотовалютные ресурсы советского государства : источники, производство, расходование (1920-е гг.) // Власть. 2018. № 3. С. 106–113.
4. Осокина Е. А. На большой дороге с рембрандтами : из истории «Антиквариата» // Родина. 2006. № 9. С. 95–105.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17 (Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991)). Оп. 162. Д. 14.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16.
7. Ларин Ю. Деньги // Экономическая жизнь. 1920. 7 нояб.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 239.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4.

11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 325 (Коллекция документальных материалов по золотоплатиновой промышленности периода ВСНХ (Главзолото). 1918–1930). Оп. 1. Д. 163.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 143.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 179.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 364.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 7.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 20.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9.
22. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 873.
23. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 618.
24. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 652.
25. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 220.
26. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 311.
27. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 351.
28. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 323.
29. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 365.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 324.
31. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 367.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 8.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 479.
34. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 534.
35. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 533.
36. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 642.
37. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 662.
38. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10.
40. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11.
41. Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. : сборник документов. М. : Издательский центр «Россия молодая», 1995. 147 с.

Поступила в редакцию 17.01.2022; одобрена после рецензирования 20.01.2022; принята к публикации 31.01.2022
The article was submitted 17.01.2022; approved after reviewing 20.01.2022; accepted for publication 31.01.2022